

Казнь через повешение. Джордж Оруэлл

В Бирме был сезон дождей. Промозглым утром из-за высоких стен в тюремный двор косыми лучами падал слабый, напоминавший желтую фольгу свет. Мы стояли в ожидании перед камерами смертников, похожими на клетки сараев, с двумя рядами прутьев вместо передней стенки. Камеры эти размером примерно десять на десять футов были почти пустыми, если не считать дощатой койки и кружки для воды. Кое-где у внутреннего ряда прутьев сидели на корточках, завернувшись в одеяла, безмолвные смуглые люди. Их приговорили к повешению, жить им оставалось неделю или две.

Одного из осужденных уже вывели из камеры. Это был маленький тщедушный индус с бритой головой и неопределенного цвета водянистыми глазами. На лице, как у комического киноактера, топорщились густые усы, до смешного огромные по сравнению с маленьким туловищем. Все обязанности, связанные с его охраной и подготовкой к казни, были возложены на шестерых стражников-индусов. Двое, держа в руках винтовки с примкнутыми штыками, наблюдали, как остальные надевали на осужденного наручники, пропускали через них цепь, затем прикрепляли цепь к своим поясам и туго прикручивали ему руки вдоль бедер. Стражники окружили осужденного плотным кольцом, их руки ни на секунду не выпускали его из осторожных, ласкающих, но крепких объятий, словно ощупывая, в неотступном желании убедиться, что он никуда не исчез. Подобным образом обычно обращаются с еще трепыхающейся рыбиной, норовящей выпрыгнуть обратно в воду. Осужденный вроде и не замечал происходящего: он не оказывал ни малейшего сопротивления, вялые руки покорялись веревке.

Пробило восемь часов, и во влажном воздухе раздался слабый безутешный звук рожка, донесшийся из отдаленных казарм. Услышав его, начальник тюрьмы, который стоял отдельно от нас и с мрачным видом ковырял тростью гравий, поднял голову. Это был человек с хриплым голосом и седой щеточкой усов, военный врач по образованию. «Френсис, поторопитесь, ради Бога, – раздраженно произнес он, – Осужденный уже давно должен быть мертв. Вы что, все еще не готовы?»

Старший надзиратель Френсис, толстый дравид в твидовом костюме и золотых очках, замахал смуглой рукой. «Нет, сэр, нет, – поспешно проговорил он, – у нас все вполне готово. Палач шдет. Можем идти».

«Тогда давайте поскорее. Пока мы не покончим с этим делом, заключенные не получат завтрака».

Мы направились к виселице. Слева и справа от заключенного шагало по два стражника с винтовками на плечо, еще двое шли сзади него, вплотную, одновременно поддерживая и подталкивая его в спину. Судьи и все прочие следовали чуть поодаль. Пройдя десять ярдов, процессия, без всякой команды или предупреждения, вдруг резко остановилась. Произошло нечто ужасающее: одному Богу известно, откуда во дворе появилась собака. С громким лаем она подлетела к нам и принялась скакать вокруг, виляя всем телом, обезумев от радости при виде большого количества людей. Это был крупный пес с длинной густой шерстью, помесь эрдель-терьера и дворняги. Какое-то мгновение он в восторге кружил около нас, а потом, прежде чем кто-нибудь успел помешать, рванулся к осужденному и, подпрыгнув, попытался лизнуть ему лицо. Все застыли в оцепенении, настолько потрясенные, что никто даже не пытался удержать животное. «Кто пустил сюда эту чертову скотину? – со злостью выкрикнул начальник тюрьмы. – Поймите же ее!»

Выделенный из эскорта стражник неуклюже бросился ловить пса; пес же подпрыгивал и вертелся, подпуская его совсем близко, однако в руки не давался, расценив, видимо, все. Это как часть игры. Молодой стражник-индус подхватил горсть гравия и хотел отогнать пса камнями, но он ловко увернулся и снова бросился к нам. Радостное тьяканье эхом отдавалось в тюремных стенах. Во взгляде осужденного, которого крепко держали двое стражников, читалось прежнее безразличие: будто происходящее было очередной формальностью, неизбежно предшествующей казни. Прошло несколько минут, прежде чем собаку удалось изловить. Тогда мы привязали к ошейнику мой носовой платок и снова двинулись в путь, волоча за собой упиравшееся и жалобно скулившее животное.

До виселицы оставалось ярдов сорок. Я смотрел на смуглую обнаженную спину шагнувшего впереди меня осужденного. Он шел со связанными руками, на вид неуклюжей, но уверенной походкой индусов – не выпрямляя колен. При каждом шаге мышцы идеально точно выполняли свою работу, завиток волос на голове подпрыгивал вверх-вниз, ноги твердо ступали по мокрому гравия. Один раз, несмотря на державших его за плечи людей, он шагнул чуть в сторону, огибая лужу на дороге.

Как ни странно, но до этой минуты я до конца не понимал, что значит убить здорового, находящегося в полном сознании человека.

Когда я увидел, как осужденный делает шаг в сторону, чтобы обойти лужу, я словно прозрел – я осознал, что человек не имеет никакого права обрывать бьющую ключом жизнь другого человека. Осужденный не находился на смертном одре, жизнь его продолжалась, так же как наши. Работали все органы: в желудке переваривалась пища, обновлялся кожный покров, росли ногти, формировались ткани – исправное функционирование организма, теперь уже заведомо бессмысленное. Ногти будут расти и тогда, когда он поднимется на виселицу, и когда рухнет вниз, отделяемый от смерти лишь десятой долей секунды. Глаза все еще смотрели и на желтоватый гравий, и на серые стены, мозг все еще понимал, предвидел, размышлял, даже о лужах. Он и мы вместе составляли единую группу движущихся людей, видящих, слышащих, чувствующих, понимающих один и тот же мир. Но через две минуты резкий хруст возвестит о том, что одного из нас больше нет – станет одним сознанием, одной вселенной меньше.

Виселица находилась в маленьком, заросшем высокими колючками дворике, отделенном от основного двора тюрьмы. Это было кирпичное сооружение наподобие сарая с тремя стенами, с дощатым помостом, над которым возвышались столбы с перекладиной и болтающейся на ней веревкой. Возле механизма стоял палач – седой заключенный, одетый в белую тюремную форму. Когда мы вошли, он рабски согнулся в знак приветствия. По сигналу Фрэнсиса стражники, еще крепче ухватив узника, то ли подвели, то ли подтолкнули его к виселице и неловко помогли ему взобраться по лестнице. Потом наверх поднялся палач и накинуд веревку на его шею.

Мы ждали, остановившись ярдах в пяти. Стражники образовали вокруг виселицы нечто вроде круга. Когда на осужденного набросили петлю, он принялся громко взывать к своему Богу. Визгливо-высокий повторяющийся крик: «Рама! Рама! Рама!», не исполненный, как молитва или вопль о помощи, ни отчаяния, ни ужаса, но мерный, ритмичный, напоминал удары колокола. В ответ жалобно заскулила собака. Стоявший на помосте палач достал маленький хлопчатобумажный мешочек – такие используют для муки – и надел его на голову осужденному. Но приглушенный материей звук все равно был слышен: «Рама! Рама! Рама! Рама! Рама!» Палач спустился вниз и, приготовившись, положил руку на рычаг. Казалось, проходили минуты. Снова и снова, ни на миг не прерываясь, раздавались равномерные крики: «Рама! Рама!

Рама!» Начальник тюрьмы, глядя вниз, медленно водил тростью по земле; возможно, он подсчитывал крики, отпустив осужденному лишь определенное число их – может, пятьдесят, может, сто. Лица у всех изменились. Индусы посерели, как плохой кофе; один или два штыка дрожали. Мы смотрели на стоявшего на помосте связанного человека с мешком на голове, слушали его глухие крики: каждый крик – еще один миг жизни. И все мы чувствовали одно и то же: убейте же его, убейте скорее, сколько можно тянуть, оборвите этот жуткий звук...

Наконец начальник тюрьмы принял решение. Резко подняв голову, он взмахнул тростью. «Чало», – выкрикнул он почти яростно. Раздался лязгающий звук, затем наступила тишина. Осужденный исчез, и только веревка закручивалась будто сама по себе. Я отпустил пса, и он тут же галопом помчался за виселицу, но, добежав, остановился как вкопанный, залаял, а потом отступил в угол двора. И, затаившись между сорняками, испуганно поглядывал на нас. Мы обошли виселицу, чтобы осмотреть тело. Висевший на медленно вращавшейся веревке осужденный носки оттянуты вниз – был, без сомнения, мертв.

Начальник тюрьмы поднял трость и ткнул ею в голое оливковое тело, которое слегка качнулось. «С ним все в порядке», – констатировал начальник тюрьмы. Пятясь, он вышел из-под виселицы и глубоко вздохнул. Мрачное выражение как-то сразу исчезло с его лица. Он бросил взгляд на наручные часы: «Восемь часов восемь минут. На утро, слава Богу, все». Стражники отомкнули штыки и зашагали прочь.

Догадываясь, что вел себя плохо, присмиривший пес незаметно шмыгнул за ними. Мы покинули дворик, где стояла виселица, и, миновав камеры смертников с ожидавшими конца обитателями, вышли в большой центральный двор тюрьмы. Заключенные уже получали завтрак под надзором стражников, вооруженных бамбуковыми палками с железными наконечниками. Узники сидели на корточках, длинными рядами, с жестяными мисками в руках, а два стражника с ведерками ходили между ними и накладывали рис; созерцать эту сцену после казни было приятно и радостно. Теперь, когда дело было сделано, мы испытывали невероятное облегчение. Хотелось петь, бежать, смеяться. Все разом вдруг оживленно заговорили.

Шагавший подле меня молодой метис с многозначительной улыбкой кивнул в ту сторону, откуда мы пришли: «Знаете, сэр, наш общий друг (он имел в виду казненного), узнав, что его апелляцию отклонили, помочился в камере прямо на пол. Со страху. Не хотите ли сигарету, сэр? Мой новый серебряный портсигар, сэр! Недурен, не правда ли? Выложил две рупии и восемь анн. Отличная вещица, в европейском стиле».

Несколько человек смеялись, похоже, сами не зная над чем. Шедший рядом с начальником тюрьмы Фрэнсис без умолку болтал, «Ну, сэр, ффсе прошло так, что и придраться не к чему. Раз – и готово! Соффсем не ффсегда так бывает, нет-нет, сэр! Помню, доктору приходилось лезть под виселицу и дергать повешенного за ноги, чтоб уж наверняка было. Фф высшей степени неприятно!»

«Трепыхался... Уж чего хорошего», – сказал начальник тюрьмы. «Нет, сэр, куда хуже, если они вдруг заупрямятся. Помню, пришли мы за одним в камеру, а он ффцепился фф прутья решетки. Не поверите, сэр: чтобы его оторвать, потребовалось шесть стражников, по трое тянули за каждую ногу. Мы взывали к его разуму. „Дорогой, – говорили мы, подумай, сколько боли и неприятностей ты нам доставляешь“. Но он просто не желал слушать! Да, с ним пришлось повозиться!»

Я вдруг понял, что довольно громко смеюсь. Хохотали все. Даже начальник тюрьмы

снисходительно ухмылялся. «Пойдемте-ка выпьем, – радушно предложил он. – У меня в машине есть бутылочка виски. Не помешает».

Через большие двустворчатые ворота тюрьмы мы вышли на дорогу.

«Тянули за ноги!» – внезапно воскликнул судья-бирманец и громко хмыкнул. Мы снова расхохотались. В этот миг рассказ Фрэнсиса показался невероятно смешным. И коренные бирманцы, и европейцы – все мы вполне по-дружески вместе выпили. От мертвеца нас отделяла сотня ярдов.